

Известия - 1995 - 16. февр. - С. 7

Константин КЕДРОВ, «Известия»

В городе Родники Ивановской области существует общество защиты прав человека. В него входит член координационного совета священник Павел Шлапак. Он и прислал в редакцию сборник стихов Елены Рощиной «Да уголитса печаль твоя...», только что вышедший в издательстве «Наше наследие» в городе Вичуга.

Жизнь так называемой провинциальной России никогда не подчинялась бешеным ритмам эпохи. Здесь свое особое время, может быть, во многом консервативное, но уж во всяком случае не суетливое. Традиционные ценности, которые бережно хранит и молодая, и старая интеллигенция, — это единственное, что неподвержено ни спаду производства, ни бешеному росту преступности. Это мир, не имеющий ничего общего с демагогическими всхлипами ура-патриотов, где, несмотря на все войны и революции, мало что изменилось со времен Тургенева или Бунина.

Елена Рощина родилась и окончила школу с отличием в Родниках, где, конечно же, все еще хорошо преподавали литературу. Получила диплом с отличием, закончив факультет журналистики Воронежского университета. Но этого ей было мало, и в 1991 году она поступила на сценарно-киноведческий факультет ВГИКа.

Несомненный художественный дар делал ее счастливой в самых трудных жизненных обстоятельствах. «К человеку я прихожу с одним — ЛЮБИТЬ. Ничего другого мне не нужно, ни на что иное тратиться не хочу». За это ей было даровано счастье

«Выходить в деревья
и траву,
С рассветом
убегать из дома,
И удержаться на плаву
В надменном небе
невесомом».

Сами названия городков, где протекала жизнь Лены Рощиной, греют и паскают слух. «Ах, не ругайте за несовременность Торопец, Родники, Любим! В их округлых «о», в этих тяжелых, темных руках, сумою юдоли оттянутых, в этих улочках пешеходных, неторопливости того века живущих, — последний вздох России века отходящего, бедности ее, беды, горечи ее рябиновой, жара — Души!» Это запись в дневнике Лены.

А между тем она неутомимо трудится во многих редакциях, и, что уж совсем удивительно, мало ей двух гуманитарных вузов, она еще одновременно закончила двухгодичные курсы иностранных языков.

Священник Павел Шлапак пишет о том, как нелегко складывалась судьба молодой поэтессы и журналистки в городе Иваново. Бывшее партийное начальство, сохранившее сферу своего влияния во многих газетах, не давало ей ходу, потому что мама Лены Рощиной, журналистка с тридцатилетним стажем, немало полортила им крови об-

личительными статьями и в годы застоя, и во времена перестройки. В поэзии Лены всегда ощущима легкая печаль; но, если бы жизнь была легка, вряд ли поэзия была бы другой. Здесь тянется нотка грусти еще от Блока и от Есенина.

ДНЕВНИК ПОЭТЕССЫ ЕВГЕНИИ РОЩИНОЙ

Последнюю точку в ее жизни и творчестве поставила бандитская пуля

«Хлебнуть горьковатой
стоячей воды,
Понять, что уже ничего
не случится,
И видеть, как утром
живые сады
Спеша покидают
угрюмые птицы».

В поэзии Елены Рощиной ощутимо присутствие и Пастернака, и Бродского, и многих других замечательных поэтов; но ее интонацию невозможно спутать с другой. Здесь предельная искренность чувства и абсолютная честность мысли. «Меня иногда дают рифмы. И метафоры. Ведь все со всем можно сравнить». И она сравнивает Вселенную с соседней квартирой, да так легко и естественно, что после этого небо становится родным домом. «Соседи слева знают только, что у меня есть проигрыватель. Соседка справа знает о моем прошлом. Поэтому ей, слава Богу, не жаль меня. Соседка снизу называет меня странной. А надо мною никто не живет. И я могу назвать Вселенную, как мне нравится...»

У России много поэтов и, конечно, голос Елены Рощиной. Бывает и так. Жизнь негромкая, короткая, а все о ней знают.

Голос тихий, а все его слышат. Ведь не случайно же и в Воронеже, и в Родниках, и в Вичуге столько друзей хлопочут над изданием сборников Лены, собирают разрозненные записи в дневниках в единое целое. Когда-то дневник юной Башкирцевой потряс Марину Цветаеву и стал любимым чтением молодежи. Был дневник Анны Франк — девочки из еврейского гетто. И вот теперь другое свидетельство из тихой российской глубинки. Это другая жертва, другого времени, свидетельство других преступлений уходящего века. Лену Рощину убили банди-

Чем больше
отдашь другому,
Чем больше
от сердца отрываешь,
Тем больше
в нем остается...»

Это, конечно, не рыночная экономика и не социализм, это общечеловеческое, живое, вечное. То, чем держится жизнь, чем жива Россия.

Стало уже банальностью, что поэты видят будущее и предсказывают свою судьбу. Предсказаний в дневниках Елены так много, что приведу лишь три. «Дикое, угнетающее внутри: кражи, грабежи и убийства затмеваются сладострастным запугиванием жертв с какой-то китайской изощренностью. Это затопило жизнь и пугает своей безнаказанностью. Я всегда боялась не смерти, нет — насилия, унижений, отбирающих у человека право умереть человеком. Боялась зверья человеческого, вечный символ которого — пиннок сапогом в лицо».

Другая запись говорит о том, что бандиты отняли у нас настоящего поэта, чей талант обещал намного больше, чем сделано, хотя и то, что осталось, несомненно, станет, стало уже событием. «На цыпочках уйду я из жизни вашей. Тихо-тихо, как падает снег на траур воротника. Исчезну совсем незаметно, так, что вы не скоро ощутите мое отсутствие. А ощутив, не сразу поймете, что оно значит...» Ощущаем уже и, кажется, начинаем понимать. Голос Елены Рощиной, ее судьба, дневник и стихи, может быть, одно из красноречивейших свидетельств века сего, так трагически уходящего. Казалось бы, все сметено могучим ураганом войн, революций, перестроек, реформ. Нет — все осталось. Последняя запись в дневнике: «А в комнате лежат мои тетради, стихи — все, что осталось после меня. Как темная лужица бликов от Снегурочки...»

Снегурочка тает от любви каждую весну, а зимой в самые трудные времена возвращается снова. Так в зимнее время России, в трудный ее период, появилась поэтесса Елена Рощина. Ее сила еще и в том, что она не одна. «Русская душа с малолетства заражена, ей еще до рождения словно приснился сон: золотой город с цветущим садом, травами, цветами, животными невиданной красоты. Этот сад рождает и мятеж, и тоску, и горечь. Он все переворачивает вверх дном: русские неисправимые идеалисты, если они даже в марксизм — самую приземленную теорию натащили идеализма. Сатанинского какого-то идеализма».

Чем только не прельщат нас сатана — и социализмом, и насилием, и дармовыми деньгами, а потом, посмеявшись, оставляют на площадях толпы отчаявшихся людей. Елена Рощина из тех, которые не прельстились, а ведь они и есть абсолютное, но никого и никогда не подавляющее большинство.

ты выстрелом из пистолета в висок за то, что она, не имея гроша медного, все же располагала непопулярным и опасным богатством — квартирой, в которой жила. Убийцы, конечно же, до сих пор не найдены, хотя прошло более полугода. Выстрел прогремел 17 июля 1994 года. Интересно, слышали ли его соседи справа и слева, о которых писала Лена в своем дневнике? Но соседи свыше, те, которых Елена Рощина называет Вселенной, они, конечно, услышали и ужаснулись, и закрыли лица свои крыльями, потому что если есть Ангелы на небесах, они все видят и все слышат.

«Перестройка. А выжившие в ней будут приравняться к участникам наполеоновских войн», — пишет Лена. Кстати, она никого ни в чем не обвиняет. И в стихах, и в дневниках нет главного утешения нашего времени — образа врага. Враг отсутствует. Есть люди, которых надо любить. И ничего другого.

«Раздайте себя немедленно,
Даря или простивши,
Единственный рубль
имея —
Отдайте другому тыщу!
Веками не загнивает
Вода в дающих колодцах.